

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ С С С Р

С. П. ТОЛСТОВ

НОВОГОДНИЙ ПРАЗДНИК «КАЛАНДАС» У ХОРЕЗМИЙСКИХ ХРИСТИАН НАЧАЛА XI ВЕКА

(В связи с историей хорезмийско-хазарских отношений)

Из историко-этнографических комментариев к ал-Бируни

«Говорит ибн-ал-Кальби: «родил Исхак, сын Ибрагима ал-Халиля, Хазара и Б-з-ра и Бурсуля и Хорезма и Филя».

Якут, II, 12

I. Текст ал-Бируни

В известном сочинении великого хорезмийского ученого X—XI вв. Абу-Райхана ал-Бируни, посвященном летоисчислениям различных народов, содержится описание календарных обрядов христиан-мелькитов (православных), до сих пор мало привлекавшее внимание исследователей¹.

Между тем, интересный и сам по себе, этот текст приобретает особое значение ввиду того, что, как указывает ал-Бируни, описание христианских праздников дается им на основании сведений, полученных у мелькитов Хорезма².

Среди описанных Бируни праздников хорезмийских христиан один должен привлечь наше особенное внимание³.

Приводим его описание:

«(Месяц) Канун II; первое его число — память св. Василия; это — праздник ал-Каландас (القانداس). Значение (слова) Каландас (القانداس) «Да будет благо»⁴. В этот день собираются дети (собственно — маль-

¹ Chronologie Orientalischer Völker von Albêrûni. Herausg. v. Dr. C. Eduard Sachau, Leipzig, 1923 (арабск. текст). The Chronology of Ancient Nations. An english Version of the arabic text of the Athâr-ul-Bâkiya of Albîrûni, Transl. and edited by Dr. C. Eduard Sachau. London, 1879.

² Текст, стр. 288 сл., перев. стр. 283 сл. Хорезмийское летоисчисление описываемых Бируни христианских праздников еще раз упоминается на стр. 296, перев. стр. 292.

³ Текст, стр. 292—293, перев. стр. 288.

⁴ Захау видит здесь народную этимологию для значения «мать».

христиан, обходят их дома и кричат «каландас, каландас» высокими голосами на (определенную) мелодию. За это в каждом доме выкупают они что-нибудь из пищи и чашу вина.

(В объяснение происхождения этого обычая) некоторые утверждают, что это греческий Новый год, через неделю после родов Марии. Некоторые же утверждают, что когда Арий выступил со своим учением и нашел последователей и захватил одну из их (христиан) церквей, протестовали против этого ее прихожане. В конце-концов они договорились и условились, что запрут дверь церкви на три дня. Тогда они соберутся вместе в церкви и будут читать перед ней поочередно. Та партия, перед которой дверь откроется сама собой, будет ею (церковью) владеть. Так они сделали. Дверь церкви не открылась Арию, но открылась другим. Так они рассказывают. Поэтому дети их делают это в подражание радостной вести, которую они получили в то время».

II. Хорезмийский праздник «каландас» и славянские колядки

Новогодний обряд, родственный колядовому, широко распространен по всему христианскому миру. Однако его специфическая форма, выявляемая ал-Бируни для христиан ранне-средневекового Хорезма, имеет гораздо более узкий, четко очерченный ареал распространения. Это — область расселения славян, особенно — украинцев и болгар, румын и греков. При этом, согласно новейшим исследованиям, филологический анализ терминологии обряда показывает, что румыны и греки заимствовали современную форму распространенного у них обряда у славян (новогреч. *κόλιαντα* обнаруживает не сомненное влияние славянской фонетики, в румынском *colinda*, вместо закономерного *săgînda*, тоже свидетельствует о славянском источнике)⁵.

Арабская транскрипция хорезмийского *al-qalandas*, *qalandas* наличием во всех случаях — в первом *кафа*, а во втором, третьем и четвертом также и *алифа* — позволяет предполагать форму *kōlandas* (а может быть и *kolindas*, так как огласовка второго согласно в тексте отсутствует), т. е. ту же фонетическую модификацию исходного латинского *calendae*, которая легла в основу славяно-румыно-новогреческой формы имени.

Характерными чертами, связывающими хорезмийский «Каландас» с славяно-румыно-греческим типом колядового обряда, являются:

1) Название праздника, а также название и припев песни («каландас, каландас!» — ср. «коляда, коляда!»);

2) Приуроченье праздника к Васильеву вечеру;

3) Связь этого термина и даты с обрядом, заключающимся в обходе мальчиками домов с песнями и одаривании колядовщиков хозяевами пищей и вином.

Состав обряда, несмотря на схематичность его описания, не оставляет сомнения в общности его происхождения с восточноевропейским, *gesp.* славянским вариантом христианского новогоднего обряда, восходящего к языческому ритуалу январских календ.

Известно, что в IV—VI вв. празднование январских календ было широко распространено по всему греко-римскому миру и рассматривалось церковными авторитетами как пережиток язычества. Особо отмечалась его связь с врумалиями (24 ноября) — празднеством в честь фракийского Диониса. Трулльский собор в своем 62-м каноне запрещает январские календы, как языческий обряд⁶. Отголоски этого язы-

⁵ P. Saragjan, *Obrzęd kolędowania u Słowian i u Rumunów*. Krakow, 1933, p. 284.

⁶ А. Н. Веселовский. Розыскания в области русского духовного стиха, IV—V. Праздн. XLV тому Записок Академии Наук, № 1. СПб. 1883, стр. 101—102.

ческого римского праздника, прошедшего стадию контаминации с христианской обрядностью и календарным циклом местных культов, сохранились в различных формах во всех странах распространения как восточного, так и западного христианства. В целом ряде мест мы встречаем и искаженные варианты термина *calendae*, связанные с тем или иным моментом новогодне-святочного цикла⁷.

Однако только в славяно-румыно-греческом обряде, как и в хорезмийском, слово коляда (*colinda*, *қоляда*, *qalandas*) прочно связывается с названием новогодней обрядовой песни и становится припевом этой песни.

Между Хорезмом и славяно-румыно-греческим миром можно отметить еще одну, очень важную для нашего исследования область, — Западный и Северный Кавказ с населяющими его народами, принадлежащими к православной церкви (грузины, абхазы, осетины).

У всех этих народов распространены и обряд и термин.

В Абхазии каланда или калинда — название новогоднего обряда и обрядового хлеба⁸.

У гурийцев Васильев день называется каландоба. Приводимое Веселовским⁹ описание гурийского обряда чрезвычайно интересно для нас:

«Заслышав их (колядовщиков) приближение, хозяин запирает двери¹⁰ и ждет посетителей.

— Отворяй! — кричит подошедшая толпа и стучит в двери.

— А что вы несете?

— Образ св. Василия, драгоценные камни, крест, золото, серебро, словом, все, что нужно.

Хозяин не отворяет, пока гости три раза не повторят последней фразы; тогда только дверь распахивается».

Гурийский обряд с закрытыми дверями, отворяющимися в результате трехкратного призыва, видимо, — прямая параллель хорезмийскому, ибо, как отмечает Бируни, мальчики-хорезмийцы подражают действиям тех православных соперников Ария, которые некогда, по передаваемому в тексте апокрифу, заставили пением открыться двери запертой церкви. Обряд колядования (без этого, впрочем, названия) в сходных с грузинским формам мы встречаем и у осетин¹¹, в лингвистическом отношении ближайших родственников древних и ранне-средневековых хорезмийцев, входящих в единый с ними круг народов сармато-аланской группы.

Наш материал позволяет прийти к существенным выводам: колядовый обряд хорезмийских христиан пришел в Хорезм из той области христианского мира, с которой связываются его специфические особенности, от тех народов, историческими наследниками которых являются славяне, румыны, осетины, грузины, абхазы. Из этой же области несомненно проникло в Хорезм и само православие.

Вопрос о распространении христианства в Средней Азии уже давно

⁷ Главным образом в применении к рождественскому обрядовому хлебу. Ср. франц. *chalendag*, *charendar*, *le pain de calende*, *chaland*, испанск. *cañalanda* (А. Н. Веселовский, Указ. соч., стр. 105). Веселовский связывает с этими этимологиями итальянск. *carendare* — *ricercare*, *accatare*. В частности, по-видимому, сюда же восходит персидское (а также узбекское) *qalandar* — странствующий иезуитский монах, исполнитель мусульманских «духовных стихов». Этот термин впервые вошел в мусульманский религиозный быт очень рано, из быта персидских христиан. Здесь мы, как и в ряде районов средневековой Европы, имеем столкновение другой стороны ритуала январских календ, каким мы его знаем для VI века, выступление профессиональных мимов-певцов и ряженных.

⁸ А. Н. Веселовский. Указ. соч., стр. 433.

⁹ Там же, стр. 438.

¹⁰ Подчеркнуто везде нами. — С. Т.

¹¹ А. Н. Веселовский. Указ. соч., стр. 440—441.

был предметом внимания специалистов¹². Проникновение христианства в южные и восточные районы Средней Азии В. В. Бартольдом возводит еще к IV в., когда имело место «массовое движение христиан на Восток» из сасанидских владений. К 234 г. традиции возводит возникновение епископской кафедры в Мерве, во времена Бируни являвшемся резиденцией митрополита мелькитов в Хоросане. Особенно широким распространением пользовалось проникшее в Среднюю Азию из Сирии через Иран несторианство, сделавшееся ко времени арабского завоевания наиболее влиятельной на Востоке христианской сектой, удержавшей свою роль до монгольского нашествия и даже позднее.

Однако этнографические параллели нашего хорезмийского праздника ведут нас не в Иран и Сирию, а в Восточную Европу.

Для того, чтобы понять время и пути проникновения христианства в Хорезм, мы должны обратиться к анализу исторических источников, хотя и скудных, но достаточно показательных.

В нашем распоряжении имеется краткое, но чрезвычайно определенное свидетельство о составе христианской колонии в столице Хорезма — Ургенче в середине XIII века.

Иоани де Плано Карпини, папский посол ко двору «Великого Хана», сообщает:

«Пошли они (монголы) также против города, который именуется Орнас (Ургенч.— С. Т.). Этот город был очень многолюдный, ибо там было очень много христиан, именно хазар, русских, аланов (разрядка наша.— С. Т.) и других, а также саррацинов (мусульман.— С. Т.); саррацинам же принадлежала и власть над городом»¹³.

Национальный состав христианской колонии в Хорезме, в основном, по Карпини, хазаро-русско-аланский, открывает перед нами то же направление проникновения христианства в Хорезм, на которое указывает сравнительный анализ описанного ал-Бируни обряда. Однако свидетельство Карпини на два с половиной века позднее свидетельства ал-Бируни. Теоретически не исключено, конечно, что до X в. положение было иным. Поэтому важно выяснить, нет ли более ранних свидетельств, рисующих церковные и этнокультурные связи хорезмской христианской общины.

И мы действительно имеем такое свидетельство в давно известном, но до сих пор не исследованном под этим углом зрения документе.

III. Ховалисская епископия Доросской митрополии

В опубликованном де-Боором в 1891 г.¹⁴ на основании парижской рукописи XIV в., списке епископий (*Noticia episcopatum*), который автор публикации¹⁵, как и Дворник¹⁶, относит к VIII в., содержится перечень семи епископий Доросской (Крымско-готской) митрополии. Хотя, видимо, в целом текст *Noticia* и не вполне аутентичен и несет на себе следы позднейшей переделки, однако вряд ли есть основания сомневаться в дате его основной части (в частности — интересующего нас отрывка), вероятно, близкой к определению де-Боора и Дворника¹⁷.

¹² В. В. Бартольд. О христианстве в Туркестане в домонгольский период. Записки Восточного отдела Археологического об-ва, VIII, СПб, 1893.

¹³ Плано Карпини, V, § III, 4. Перев. Малеева, 24.

¹⁴ С. de Boor. Nachträge zu den Notitia episcopatum. Zeitschr. f. Kirchengeschichte, XII, 1891.

¹⁵ Указ. соч., стр. 519.

¹⁶ Dvornik. Les slaves, Byzance et Rome au IX siècle, Paris, 1926, p. 143.

¹⁷ Бертъ Делегард (Известия Таврической Ученой Археографической комиссии. 57. 1920. стр. 48) высказывает сомнения в этой дате. А. А. Васильев «Готы в Крыму. Известия ГАИМК, V, 1927, стр. 210—216) считает, что «нотичия» представляет какую-то позднюю переделку, «по крайней мере в некоторой части»

Состав Доросской митрополии определяется этим текстом следующим образом:

α! Ἡ ἐπαρχία Γοθθίας. β! Δόρος μητρόπολις! β! ὁ Χοτζήρων. γ! ὁ Ἀστῆρ. δ! Ἡ χουαλῆς. ε! ὁ Ὀνογούρων. ς! ὁ Ρετέγ. ζ! ὁ Οὐννων. η! ὁ Τουαταρχα.

Из перечисленных семи кафедр в литературе установлена достаточно прочно локализация пяти. А стиль — несомненно Итиль — хазарская столица на Волге. Гуннская епископия вполне основательно локализуется Артамоновым в «стране гуннов» армянских источников, в Семендере или Варачане, т. е. в Дагестане¹⁸. Оногурская кафедра Кулаковским, Васильевым и Артамоновым единодушно локализуется в Прикубанье — месте поселений гуннов-оногуров. Наконец, Таматархская епископия — Тмутаракань (Тамань).

Хоцирская кафедра, наименование которой бесспорно связано с этнонимом Хазар, локализуется всеми авторами на основании приписки к анализируемому тексту, гласящей: «епископ Хоциров близ Фул и Харасиу (Φούλων καὶ τοῦ Χαράσιου), что значит черная вода», — в степном Крыму, в районе р. Карасу и города Карасубазара.

Ретег, как пишет Васильев¹⁹, «пока совершенно загадочное название». Отказываясь принять гипотезу Ламанского²⁰, пытавшегося видеть в этом имени какие-то ассоциации с именем касожского князя Редеди, сам А. А. Васильев считает возможным предположить здесь вызванную опиской в передаче «варварского и малоизвестного названия» перестановку согласных и читать вместо Рετέγ — Τερεγ, видя здесь или реку Терек или с. Тарку (Тарки), лежащее на с.-з. берегу Каспия и игравшее известную роль в арабо-хазарских столкновениях VIII века.

Для нас представляет особый интерес третья епископия «нотии» — Ховалисская. Уже Ю. А. Кулаковский²¹ первый обратил внимание на созвучие этого слова с русским наименованием Каспия — «Хвалиское море», считая (в соответствии с мнением большинства авторов того времени), что город Χοβαλή находился где-то в устьях Волги. К этому мнению присоединяется и Васильев²².

Артамонов²³ отказывается дать определенную локализацию интересующего нас «города» («где находились города Хвала и Ретег, остается неизвестным»).

Никто из анализировавших наш текст авторов не обратил внимания на давно и прочно установленную в востоковедной литературе идентификацию «хвалиссов» русской летописи и хорезмийцев²⁴. Между тем это отождествление, подкрепленное авторитетом такого корифея русского востоковедения, как В. В. Бартольд, не вызывает сейчас у специалистов ни тени сомнения. Хвалиссы — не загадочный народ

(стр. 215). М. И. Артамонов (История СССР, 1939, стр. 404), не разбирая детально документа, принимает в своих исторических выводах дату Де-Боора.

¹⁸ Ср. М. И. Артамонов, Указ. соч.

¹⁹ А. А. Васильев, Указ. соч., стр. 214.

²⁰ «Славянское жите св. Кирилла». П., 1915, стр. 134.

²¹ Журнал Министерства народного просвещения, 1898, февр., стр. 185 сл.

²² А. А. Васильев, Указ. соч., стр. 213.

²³ М. И. Артамонов, Указ. соч., стр. 404.

²⁴ См. P. Lerch. Khiva oder Khwarizm, seine historische und geographische Verhältnisse. St.-Petersb., 1873, стр. 24 сл.; Н. Веселовский. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве, СПб., 1877, стр. 19; В. В. Бартольд. История изучения Востока, изд. 2-е, Л., 1925, стр. 166, его же. Арабские известия о русах, «Советское востоковедение», I, 1940, стр. 60 (архив. 54). В дополнении к аргументам этих авторов отмечу, что эта форма имени хорезмийцев — ал-Ховалис становится в X в. у печенегов, получивших ислам из Дороса, нарицательным именем для мусульман вообще (Известия ал-Бухара над Куниа и Розена, текст 43, перев. 60). О законсервированном перебое IV в. в хорезмийских названиях (особенно северозападными соседями Хорезма) хорезмийского г. Фир, имя резиденции хорезмшахов Фир — √ Филь в различных источниках (с. 5.) см. ниже.

«устьев Волги», а хорошо известные русским славянам хорезмийское Хвалтское (Хвалынское) море — не что иное, следовательно, как «Хорезмийское море». Естественно, что русские и, вероятно, народы Поволжья называли Каспий именем ближайшего к ним и наиболее тесно связанного с ними цивилизованного восточного народа, на протяжении многих веков являвшегося посредником в сухопутной и морской торговле глубинных восточноевропейских областей с странами Ближнего Среднего Востока.

Мы можем, таким образом, реконструировать общие контуры административно-географической структуры Доросской митрополии, в основном совпадающей с территорией Хазарской державы (что является главным основанием, как нам представляется, датировать основное содержание исследуемого документа временем расцвета Хазарии, т. е. не позднее начала X в., а вернее, в соответствии с де-Боором, VIII в., и притом не позднее его середины, до окончательного торжества юдаизма в Хазарии и ислама в Хорезме). Крым (две кафедры), Тамань, Прикубанье, Дагестан, Нижнее Поволжье и Хорезм составляют в церковном отношении в эту эпоху единое целое.

В этом нет для нас ничего неожиданного. Восточноевропейские связи Хорезма уходят в глубочайшую (по крайней мере неолитическую) древность²⁵, получают широкое развитие в античности²⁶ и в раннем средневековье²⁷, не прерываясь и в дальнейшем.

Хорезм на всем протяжении доступной нам истории неизменно выступает перед нами как одно из важнейших посредствующих звеньев связей между областями древних цивилизаций Среднего Востока, с одной стороны, и народами Восточной Европы и Западной Сибири — с другой. Эту роль он делит в IX—X вв. с Хазарией, столица которой Итиль-Хазаран была своего рода международным городом, центром экономического тяготения окружающих, циркум-каспийских стран. Итиль, по свидетельству арабских авторов, заселен не столько хазарами, сколько славянами — язычниками и христианами — и хорезмийскими мусульманами, составляющими цвет гвардии кагана и имеющими «право вазира́та», т. е. держащими в своих руках фактическое руководство хазарским правительством. Эта деталь хазарской «конституции» дополняется наличием самостоятельной юрисдикции для каждого из составных этнических (resp. религиозных) элементов населения хазарской столицы — юдаистов, мусульман, христиан и язычников.

Тесная, не только экономическая и культурная, но и политическая связь Хорезма с Хазарией хорошо прослеживается по историческим источникам для последнего этапа истории Хазарского каганата.

Особенно интересны данные ибн-Хаукаля о тесных хорезмско-хазарских отношениях во второй половине X в., в годы падения Хазарского государства. По свидетельству ибн-ал-Асира, хазарское правительство пытается в своей последней, уже безнадежной, борьбе с русскими и кочевыми тюркскими племенами опереться на военную мощь Хорезма, переживавшего в то время период нового подъема под гегемонией могущественных эмиров западной столицы — Ургенча, признав его политический суверенитет над Хазарией. Ал-Макдиси сообщает²⁸: «Я слы-

²⁵ С. П. Толстов, Древности верхнего Хорезма: «Вестник древней истории», 1941, № 1.

²⁶ Там же. Ср. его же. Из предистории Руси, сб. Советская этнография, VI—VII, 1946.

²⁷ В. В. Бартольд. Указ. соч., *passim*; А. Ю. Якубовский. Развалины Ургенча. Л., 1930, стр. 6—7 и др.; его же. Феодалное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XV вв. Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР, I, Л., 1933, стр. 12 сл.

²⁸ Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб. 1870, стр. 252.

шал, что ал-Мамун²⁹ нашествовал на них (хазар) из Джурджана (Ургенч.— С. Т.), победил их и обратил их к исламу. Затем слышал я, что племя из Рума, которое зовется Рус, нашествовало на них и овладело их страной».

Остатки разгромленных в 965—968 гг. Святославом хазар, по свидетельству ибн-Хаукаля, отступают на «остров Сиях-Кух» (т. е. полуостров Мангышлак) под покровительство своих хорезмийских союзников³⁰ и продолжают существовать в Хорезме на протяжении многих веков в качестве особой этнической группы (ср. вышеприведенное свидетельство Плано Карпини, а также существование, видимо, происходящего от этих хазарских эмигрантов туркменского племени, называвшегося в XVII в. Адаклы-Хызыр, в Адаке, на с.-з. окраине Хорезма, и именуемого сейчас Хызыр-эли)³¹.

Свидетельство Плано Карпини показывает, что в XI—XIII вв. к Ургенчу переходит роль Итиля — Хазарана, как огромного многоплеменного хазаро-руско-аланско-хорезмийского горсда — центрального торгового пункта на рубежах Средней Азии, Восточной Европы и казахстанско-сибирских степей.

Остается выяснить, насколько это, конечно, возможно, исторические предпосылки и обстановку первоначального проникновения христианства в Хорезм и образования Хорезмской епархии в составе Доросской (resp. Хазарской) митрополии.

Повидимому, для понимания этого процесса наиболее важным является исследование международных связей Хорезма на протяжении нескольких столетий, предшествующих X веку.

Нам представляются наиболее важными два цикла событий: первый из них — события второй половины VI в. н. э., периода наибольшего развития дипломатической активности Византии во внутренней Азии, связанного с настойчивыми поисками союзников в борьбе с сасанидским Ираном. Мы знаем, что к 80-м годам VI в. создается антисасанидский военный союз небывалых до того масштабов. В то время как на юго-западном, правом фланге антисасанидской коалиции сражаются абиссинцы и арабы, на левом, северо-восточном, выступают хазары, центрально-азиатские тюрки и народы Средней Азии³².

К этому времени относится свидетельство византийских источников об установлении дипломатических отношений между Византией и Хорезмом. Мы имеем в виду указание Менандра Протектора³³ на то, что при возвращении византийского посла Земарха от западнотюркского кагана с ним вместе отправляются в Константинополь тюркское посольство и посольство некоего народа холиатов, через государство которого шел маршрут Земарха. Холиатов Менандра давно и основательно отождествляли с хвалиссами русских летописей³⁴ и, соответственно, с хорезмийцами³⁵.

²⁹ Эмир Ургенча (вторая половина X, нач. XI в.), при котором весь Хорезм объединился под властью Ургенча, что дало право ал-Мамуну носить древний титул хорезмшаха.

³⁰ ВГА, II, р. 14 сл.; М. А. Артамонов (Указ. соч., стр. 494) не подчеркивая, что в арабских источниках «остров Сиях-Кух» (перс. «Черная земля») — хорошо известное название полуострова Мангышлак (ср. Бартольд «Среднее азиатскоеведение», I, 1940, стр. 35), ищет этот «остров» близ Дагестанского побережья.

³¹ Н. Н. Howorth. The Khazars, were they Ugrians or Yuzes? *Proceedings of the III Session du Congrès International des Orientalistes. SPb., 1878; II, SPb. & Leyde, 1879*, p. 139.

³² С. П. Толстов. Тирания Аброя. «Исторические записки», III, 1938, стр. 18—19; E. d. Chavannes. Documents sur les Tou-Keis (Turcs) occidentaux, СПб. 1903, p. 239 и др.

³³ Fragm. Hist. Graec., IV, стр. 245 сл.

³⁴ Д. Иловайский. Разыскания о народе Руса. Изд. 2-е. М., 1882, стр. 251.

³⁵ P. Lerch. Указ. соч., стр. 24—25; Н. Беселовский. Указ. соч.,

Нам пока остаются неизвестными результаты хорезмийского посольства 589 г. в Византию. Однако общая, крайне напряженная международно-политическая обстановка в Средней Азии в последующие десятилетия, создававшая заинтересованность для среднеазиатских народов в союзе с Византией в борьбе против растущей активности сасанидов, повторные обмены посольствами между тюрками и Константинополем и, наконец, совместное военное выступление в 588 г. против сасанидов — тюрков — на Бадгиз-Герат, хазар — через Дербентский проход и византийцев — через Сирийскую пустыню³⁶ — заставляют предполагать, что Хорезм, лежащий непосредственно на тюрко-византийско-хазарских коммуникациях, не мог здесь остаться в стороне; он, как и Согд (данные об активности которого, как и хорезмийцев, выступают в отчете о посольстве Земарха), скрывается в более отрывочных позднейших свидетельствах в общем комплексе стран Тюрского каганата.

Возможно, следовательно, что первое сближение Хорезма с Византией могло обусловить и проникновение в Хорезм из Северного Причерноморья (в частности, от частично христианизированных алан — близких родственников хорезмийцев) первых христианских миссионеров и колонистов, которые могли, конечно, встретиться в Хорезме с христианскими выходцами из Ирана.

Однако мы не только слишком мало знаем о событиях этого времени, чтобы воздержаться от сколько-нибудь определенных заключений по интересующему нас вопросу. Церковное единство Хазарии и Хорезма, намеченное в *Noticia episcopatum*, не может восходить к концу VI в., ибо это время лишь становления самой Хазарии. Дата де-Боора и Дворника ведет нас в более позднее время — в VIII век. А это — время, когда объективная картина международной обстановки, бесспорно, еще более способствует военно-политическому сближению Хорезма с Хазарией и Византией в борьбе против общих грозных врагов — арабских завоевателей.

В настоящее время история событий VIII в. в Хорезме рисуется в следующих основных чертах³⁷. Первые набеги арабов на Хорезм относятся еще к VII в. (29—85 гг. Хиджры). В 712 г. (93 г. Х.) происходит завоевание Хорезма знаменитым арабским полководцем Кутейбой ибн-Муслимом. Ал-Табари (в арабской версии, в некоторых деталях дополняемой персидской версией Балами, а также ал-Белазури и ибн-ал-Асиром) так рисует обстоятельство падения независимости Хорезма. Около 712 г. в Хорезме происходит острый внутренний кризис. Младший брат правящего хорезмшаха, Хурразад (или Хурзад), опираясь на многочисленных приверженцев, фактически захватывает в свои руки власть над страной, оттесняя законного шаха, который совершенно бессилен перед мятежниками. Хурзад и его приверженцы жестоко расправляются с поддерживающей шаха аристократией, отнимая их «девушек, дочерей, сестер, красивых жен», имущество, скот. Тогда шах входит в тайные сношения с Кутейбой, призывая его на помощь. Кутейба принимает предложение. Чтобы отвлечь внимание мятежников, он делает ложную диверсию в сторону Согда. Хорезмшах, чтобы поддержать эту версию и усыпить внимание своих врагов, собирает на совет своих ученых (в тексте употреблен крайне своеобразный термин *хабр*, о котором ниже), князей (малик) и дикканов и рассказывает

стр. 18—19; В. В. Бартольд. Сведения об Аральском море, Ташкент, 1902, стр. 29—30.

³⁶ Ал-Табари, I Series, II, p. 991; Th. Nöldeke. Geschichte der Perser und Araber, S. 269. С. П. Толстов. Тирания Абура, стр. 9.

³⁷ См. Ed. Sachau. Zur Geschichte und Chronologie der Khwarizm; W. W. Barthold. Khwarizm. Encyclopaedie der Islam, II, SS. 974—978.

им о походе Кутейбы на Согд. Используя внезапность удара, Кутейба врывается в Хорезм, разбивает Хурзада и его союзника, некоего «царя Хамджерда», и учиняет жестокую расправу над мятежниками (уничтожает 4000 пленных). По Бируни, Кутейба дважды ходит походом на Хорезм, ибо после первого похода население вновь восстает и (по Белазури) убивает предателя хорезмшаха. После второго похода Кутейба возвел на хорезмийский престол сына убитого хорезмшаха — Аскаджамука II.

Особенно жестокие репрессии Кутейба обрушил на ученых Хорезма.

«И всеми способами рассеял и уничтожил Кутейба всех, кто знал письменность хорезмийцев, кто хранил их предания, всех ученых, кто были среди них, так что покрылось все это мраком и нет истинных знаний о том, что было известно из их истории во время пришествия к ним ислама»³⁸. Нам еще придется обратить внимание на этот текст.

Что перед нами не просто внутридинастическая распря, а нечто гораздо более серьезное, говорит, помимо исключительной жестокости расправы над восставшими, ряд важных деталей социальной программы Хурзада: захват имущества и скота приверженцев хорезмшаха и, в особенности, женщин их гаремов. Эта последняя, на первый взгляд мелкая и даже анекдотическая деталь представляет особое значение: ликвидация гаремов аристократии и возвращение женщин этих гаремов в общины под лозунгом восстановления группового брака — красной нитью проходит через социальные программы антифеодальных движений общин от Маздака до карматов (V—XI вв.)³⁹. Археологические памятники афригидского Хорезма VII—VIII вв., демонстрирующие мощное развитие частной фортификации с резким выделением мощных замков аристократии наряду с сильной укрепленностью крестьянских усадеб, подтверждают положение о большой остроте социальной борьбы этой эпохи. В движении Хурзада мы, следовательно, можем видеть нечто близкое к движениям Маздака в Иране в V в., Абура⁴⁰ в Бухаре в VI в. и Муканны в Мавераннахре в VIII в., демократическое движение общин, отстаивавших в союзе с некоторыми элементами аристократической верхушки, заинтересованными в сохранении древних политических форм, патриархальный общинно-рабовладельческий уклад против быстро развивающихся феодальных отношений.

Расправа Кутейбы с учеными Хорезма, беспрецедентная для этого этапа истории завоевания Средней Азии и особенно странная в связи с союзом завоевателя с местной, остающейся немусульманской династией, позволяет предполагать наличие союза между мятежными общинами и каким-то слоем местной интеллигенции, являвшейся идеологом движения, имевшего, как обычно в таких случаях, религиозно-сектантскую форму.

Кутейба назначает арабским правителем (вали) Хорезма, разделившим власть с хорезмшахом, своего брата Абдаррахмана, женатого на дочери прежнего хорезмшаха.

Дальнейшая история Хорезма VIII в. очень темна. Мы знаем, что в 728 г. восстает против арабов область Курдара (область дельты Аму-Дарьи)⁴¹. Арабские источники почти ничего не говорят о Хорезме последующих десятилетий. Зато из китайских источников мы узнаем, что сын Аскаджамука II Шаушафар в 751 г. посылает посольство с дарами в Китай. Середина VIII в. являлась, как мы знаем, периодом кризиса халифата, связанного с восстанием Абу-Муслима (740 г.) и переходом власти в руки новой династии аббасидов, сопровождавшим-

³⁸ Ал-Бируни. Указ. соч., стр. 36 (перев. стр. 43).

³⁹ См. С. П. Толстов. Древний Хорезм, экскурс III (в печати).

⁴⁰ С. П. Толстов. Тирания Абура. «Исторический вестник», III, 1938.

⁴¹ Ал-Табари, II, 1525.

от великой гражданской войны. Установление прямых дипломатических отношений с Китаем, ведущим в это время жестокую борьбу с арабами за Среднюю Азию⁴², означало, бесспорно, разрыв вассальных связей с калифатом и переход на сторону его врагов.

Мы ничего не знаем об обстоятельствах восстановления арабского суверенитета над Хорезмом. Во всяком случае, лишь в самом конце VIII в. внук Шаушафара принимает арабское имя и чеканит на своих монетах имена арабских наместников.

Обращаясь к далеко еще полностью не освоенным источникам по истории Хазарии и Хорезма в ту критическую эпоху их исторических судеб, мы, как нам представляется, можем дополнить *Noticia episcopatuum* рядом дополнительных свидетельств, проливающих новый свет на политические события VIII века.

IV. Халисии Иоанна Киннама и кавары Константина Багрянородного

В связи с определением локализации Ховалисской епархии большой интерес представляют давно обратившие на себя внимание «халисии» Иоанна Киннама⁴³, сопоставляющиеся Шахматовым⁴⁴, а еще раньше, в 40-х гг. XIX в., Ернсем с хвалиссами русских летописей. По Иоанну Киннаму (III, 8, V, 16), халисии — некий народ, представители которого участвовали в XII в. в борьбе далматинцев против византийцев, входили в Мадьярское государство, но отличались от мадьяр вероисповеданием (венгерские хроники знают их под именем *Caliz*). В одном месте Киннам говорит, что халисии «одного вероисповедания с персами», в другом, что они «управлялись законами Моисеевыми, да и то не совсем правильно понимаемыми». Гаркави⁴⁵ хочет видеть в них хазар-юдаистов, согласно венгерским источникам, приглашенных князем Таксони в Венгрию.

Сейчас, когда на место загадочного народа «хвалиссов» встают исторические хорезмийцы, гипотеза Гаркави в том виде, как она сформулирована им, теряет правдоподобие. Трудно предположить, чтобы византийцы и мадьяры спутали прекрасно известных им хазар с столь же мало известными хорезмийцами. Наличие в X в. в Хазарии многочисленной хорезмийской колонии, состоявшей в первую очередь из воинов-наемников, делает, напротив, весьма вероятным появление хорезмийских наемников и на службе венгерских князей. Однако вопрос значительно усложняет противоречивое показание Киннама о религии халисиев, заставляющее предполагать в ней какой-то зороастрийско-юдаистский синкретизм (ибо трудно под «персидской религией» здесь видеть ислам: с одной стороны, византийцы хорошо знали мусульман, живущих гораздо ближе Персии, с другой — мусульманство и юдаизм в религии одного народа совершенно несовместимы).

Нам хорошо известно, что хорезмийские наемники в Хазарии X в. были мусульманами, и это, на первый взгляд, полностью опрокидывает только что высказанное нами предположение.

Однако уже давно обращено внимание на какую-то загадочную, но, несомненно, значительную роль юдаизма в домусульманском Хорезме.

Духовенство Хорезма, созданное, согласно Табари, хорезмшахом (предавшим в 712 г. свою страну арабам); на государственный совет вместе с князьями (мулук) и дихканами, — носит название *а х б а р*,

⁴² В 748 г. китайцы энергично наступают в бассейне Сыр-Дарьи, занимают Суяб, вмешиваются в дела Шаша; в 751 г., когда в Китай прибывает хорезмийское посольство, происходит решающая битва между китайцами полководца Гао-Сянь-чжи и арабами Зияда ибн-Салиха, окончившаяся победой последнего.

⁴³ А. А. Васильев. Указ. соч., стр. 213.

⁴⁴ Шахматов. Повесть временных лет, вып. I, 1916.

⁴⁵ См. статью *Chalizians* в *The Jewish Encyclopedia*.

ед. ч. х а б р (حبر) — термин, по словарю Абу Абдаллаха Мухаммеда ал-Хорезми обозначающий: «еврейский ученый», «ученый раввин». Это же значение сохраняется за словом «хабр» в арабском языке до настоящего времени⁴⁶. К. Иностранцев отмечает также вслед за Л. Гре-ем⁴⁷ среднеперсидское свидетельство о том, что город Хорезм (Кят?) был основан «Нарсэ, сыном еврейки», под которым большинство исследователей видит брата сасанидского царя Варахрана V (Бахрам-Гур), сына Ездегерда I от дочери главы еврейской общины в Иране. Л. Грей и К. Иностранцев бесспорно правы, видя в этом косвенное указание на существование в Хорезме, видимо с V в., влиятельной еврейской общины.

Среди опубликованных нами хорезмийских монет VIII в. резко выделяется одна серия, чеканенная, по нашему предположению, мятеж-ным «царем Хамджердом» (Хангири?), восставшим против последнего независимого хорезмшаха в союзе с братом последнего Хурзатом в первом и начале второго десятилетия VIII в.⁴⁸ Исчезновение на реверсе этих монет традиционного «хорезмийского всадника» (по нашему мнению божественного предка династии Сабазия Сиявуша, заменяемо-го тамгой Ψ), свидетельствующее о резком сдвиге в области религиоз-ной идеологии, сочетается с известным видоизменением хорезмийского алфавита под явным влиянием еврейского квадрат-ного письма.

Позволительно спросить, не мог ли юдаизм (если возникновение еврейской общины в Хорезме относить к V в.) стать на рубеже VII и VIII вв. идеологией мощного социального движения, возглавленного Хурзатом и Хамджердом и жестоко подавленного призванными хорезм-шахом арабами? Во всяком случае именно хабров призывает хорезм-шах-предатель на совет, долженствующий отвлечь их внимание от дей-ствий Кутейбы. И не могло ли арабское завоевание привести к массовой эмиграции хорезмийских юдаистов в Хазарию? На изгнание всех «хорезмийских ученых» (resp. хабров) Кутейбой прямо указывает Бируни. Юдаизация Хазарии, по данным Иегуды Галеви, имела место около 740 г. Учитывая указание на поход на Ардебиль «по божьему вдохновению» уже обращенного царя Булана, имевший действительно место в 730—731 гг., эту дату надо отодвинуть лет на 15—20, т. е. в непосредственную близость к дате завоевания Хорезма арабами.

Бесспорно, это положение потребует для своего окончательного до-казательства еще значительного исследования. Однако я все же свя-таю себя в праве в качестве рабочей гипотезы поставить вопрос о воз-можности проникновения юдаизма в Хазарию именно из Хорезма. Ниже мы попытаемся подкрепить эту гипотезу дополнительными суще-ственными доводами.

Хазарско-еврейское предание Кембриджского документа, говоряще-го о воинственных иудеях-изгнанниках, делящих с хазарами боевые труды и в конце-концов выдвигающих из своей среды царя-реформа-тора⁴⁹, гораздо более вяжется с нашей гипотезой о потерпевших пора-жение в борьбе с арабами юдаизированных хорезмийцах-восстаниях, чем с гипотезой о еврейских купцах-миссионерах из Причерноморья

⁴⁶ К. Иностранцев. О домусульманской религии Хорезмского царства. Журнал Министерства народного просвещения. 1911, стр. 293—304.

⁴⁷ L. Gray. The Jews in Pahlavi literature, Actes du XIV Congrès Int. des Orientalistes, I, 192.

⁴⁸ С. П. Толстов. Монеты шаха дрездского Хорезма и дрездхорезмийский алфавит. «Вестник древней истории». 1938, № 4, стр. 120.

⁴⁹ П. К. Кожовцев. Еврейско-хазарская легенда в X веке, стр. 113—114.

или Завариха. Характерно, что поддержка хазарским иудеям приходится по этому документу, прежде всего от евреев Багдада и Хорасана, т. е. из стран, основной путь из которых лежал через Хорезм. Лишь на третьем месте упоминаются иудеи «земли греческой»⁵⁰, что было бы мало вероятно, если бы движущей силой юдаизации Хазарии была деятельность евреев причерноморских городов, тесно связанных с Византией.

Как попали, однако, юдаизированные хорезмийцы, видимо, сохранившие какую-то степень этнической обособленности от собственно хазар, в Венгрию? Не исключено, конечно, что они переселились в составе той хазарской эмиграции X века, о которой говорят венгерские хроники, рассказывая о приглашении хазар «герцогом» Таксона, время правления которого (946—972 гг.) действительно совпадает с временем падения Хазарии.

Однако против этого говорит полное отсутствие свидетельств об этом этническом элементе в Хазарии X в. в достаточно обильных и обстоятельных арабских источниках, равно как и изложенная в письме царя Иосифа официальная хазарская версия о юдаизации Хазарии, явно расходящаяся с версией автора Кембриджского документа.

Нам представляется возможным искать разгадку этой контroversы в некоторых свидетельствах Константина Багрянородного. Я имею в виду его свидетельство о каварах (βρωί) — хазарских выходцах в составе мадьяр IX в. Термин кавар может рассматриваться как вполне закономерный вариант термина хвар (~ ховар) — основа этнонима хорезмийцев (Хорезм, собств. Хваразм, в пространной редакции письма царя Иосифа Хуваразм, от хвар + зем — 'земля', 'страна'). Переход X → К вполне закономерен именно для хазарского консонантизма, явно дающего этот, видимо, диалектальный перебой [каган (русск, коган) ↔ хакан, казар Кембриджского документа (русск. козар) хазар и т. п.].

Как уже не раз отмечалось⁵¹, Константин Багрянородный при изложении истории мадьяр, повидимому, пользовался каварской информацией. Поэтому форма кавар может рассматриваться как само название этой этнической группы, и так как кавары IX века говорили на хазарском языке, мы можем видеть здесь хазаризованную форму самоназвания хвары [хавар (диссимиляция начального диффузного X^w) → кавар (типичный, видимо, для западно-хазарских диалектов переход X → К)], в то время как в названии хвалисиев халисиев мы видим старую, видимо, аланскую, может быть, прошедшую через хазарскую и печенежскую среду, форму восприятия имени хорезмийцев восточноевропейскими народами. Действительно, хорезмийское (и южноиранское) r в алано-осетинских языках закономерно заменяется l (ср. alap iran).

Это позволяет видеть в каварах Константина и халисиях Киннама параллельные названия одной и той же группы, одно из которых является самоназванием, другое — мадьярским (← алано-хазарским) ее наименованием.

По свидетельству Константина^{52, 53}, «так называемые кавары происходят из рода хазар. Когда у них произошло отделение от их власти и возгорелась междоусобная война, первая власть одержала верх, и одни из них (восставших) были перебиты, другие убежали и поселились с турками (мадьярами.— С. Т.) в (нынешней) Печенежской земле,

⁵⁰ Там же, стр. 115.

⁵¹ С. А. Масартней. The Magyars in the ninth Century. Cambridge, 1930, pp. 112—113.

^{52, 53} De Adm. Imp., XXXIX. Известия византийских писателей о Северном Причерноморьи; Известия ГАИМК, вып. 91, Л., 1934, стр. 18.

заклучили взаимную дружбу и получили название каваров. Они научили турков хазарскому языку и доселе говорят на том же наречии, но владеют и турецким языком. Вследствие того, что они в войнах оказывались сильнее и храбрее восьми родов, то им давали первенствовать на войне в качестве первых родов. У всех трех родов каваров один князь, который существует по настоящее время».

Мы не имеем других свидетельств о междоусобной войне в Хазарии, которую, видимо, нужно датировать временем не позднее конца VIII в. — предполагаемого времени завоевания мадьярских поселений печенегами, вернее — несколько раньше. Вероятнее всего, это может быть связано с деятельностью второго царя-реформатора (по Иосифу — внука Булана) Обадии, который «обновил царство и укрепил веру согласно закону и правилу»⁵⁴. Если считать лет по 25 на поколение, реформы Обадии должны падать на 60—70-е годы VIII в., что как раз соответствует предполагаемой дате появления каваров в «печенежской (гесп. мадьярской) земле».

Если принять нашу идентификацию кавары-халисии (-хоразмии), эти реформы, видимо, были связаны с хазарской реакцией против господствующего положения поверхностно юдаизированных хорезмийских эмигрантов, принесших юдаизм в Хазарию, но в конечном счете побежденных и изгнанных хазарской аристократией, использовавшей в качестве идеологического оружия «укрепление веры», опираясь в этом на пришедшее «из Багдада, Хорасана и земли греческой» ортодоксальное (талмудистское) еврейское духовенство, противопоставившее «24 книги, Мишну, Талмуд и весь порядок молитв, принятых у хаззанов», своеобразному иудейско-зороастрийскому синкретизму каваров-халисиев.

V. «Шахиййат» и «вилайат»

В связи с изложенным выше, большой интерес приобретает одно место ал-Бируни, не привлекавшее до сих пор должного внимания. Я имею в виду одну из деталей описания завоевания Хорезма арабами, приводимое ал-Бируни в главе о летоисчислении хорезмийцев.

Ал-Бируни говорит, что «когда Кутейба ибн-Муслим второй раз покорил Хорезм после восстания его жителей, он поставил их царем Аскаджамука сына Азкаджувара, сына Сабри, сына Сахра, сына Артамуха и облек его шахским достоинством (ал-шахиййат); и отошла должность правителя (ал-вилайат) от потомков Хосрова (сиявушидов-афригидов С. Т.), но они сохранили наследственное достоинство шахов. Должность правителя (ал-вилайат) оставалась после этого попеременно то в этом роде (афригидов С. Т.), то в других, пока не потеряли они (афригиды С. Т.) и ал-вилайат и ал-шахиййат, после смерти мученика Абу Абдаллаха Мухаммеда ибн-Ахмеда (имеется в виду последний афригид, убитый эмиром Ургенча в 995 г.)». Обычно в этом видят свидетельство о передаче достоинства «вали» (ал-вилайат) арабским наместникам (на что, действительно, есть указание в источниках, в частности, у ал-Белазури, говорящего о назначении валием Хорезма брата Кутейбы Абдаррахмана⁵⁵, что с разными оттенками повторяется и Табари и ибн-ал-Асиром) и о последующем разделении Хорезма на две части, во главе одной из которых был поставлен хорезмшах, а во главе другой (западной) — арабский вали⁵⁶.

Однако, текст ал-Бируни не дает права на такое решение вопроса. Видимо, возникновение Ургенчского эмирата не имеет ничего общего

⁵⁴ П. К. Коковцев. Указ. соч., стр. 80.

⁵⁵ Liber expugnationis regionum, p. 426.

⁵⁶ Ср. Н. Веселовский. Указ. соч., стр. 22—23; В. В. Бартольд. Туркестан, стр. 243.

с разделением власти правителей Хорезма на «вилайат» и «шахиййат», так как нет данных о том, что после распада Хорезма на кятское и ургенчское владения афригидские шахи Кята возвращали себе власть над Ургенчем. Да и странно было бы сохранение на протяжении трех веков терминологического разделения, которое могло быть оправдано только в период арабской оккупации. В X в. правители Ургенча — не «вали», а наследственные «эмиры». Из контекста видно, что при последнем афригиде Абу-Абдаллахе Мухаммеде афригиды имели в своих руках и «шахиййат» и «вилайат», иначе они не могли бы потерять то и другое сразу; между тем, ургенчский эмир Мамун, судя по всему, правил к этому времени Ургенчем уже несколько десятилетий. Из контекста не следует также, что «вилайат» и «шахиййат» и до завоевания 712 г. и после него сосредоточивались в одних руках. Наоборот, дважды, с употреблением разных терминов, подчеркнута принадлежность их одному роду (насль, кабилат).

Я склонен видеть в этом разделении царской власти между шахом и правителем (совершенно беспрецедентном для других аналогичных случаев в истории Средней Азии и Ирана той эпохи) отражение какого-то специфически хорезмского политического института, связанного с действительным существованием в домусульманском афригидском Хорезме двух царей — шаха и правителя, принадлежавших к одной фамилии Сиявушидов-Афригидов. После арабского завоевания 712 г. на некоторое время должность правителя переходит к арабам, в частности, к Абдаррахману ибн-Муслиму, однако, видимо, не надолго, а затем остается «попеременно то в этом же роде (афригидов), то в других». Институт двух царей — достаточно распространенное, зарегистрированное в различные эпохи в различных странах (от древней Спарты до Японии XIX в.), в разных условиях игравшее различную роль, но, повидимому, исторически восходящее к очень архаическому, еще родовому институту двух вождей рода или племени (ирокезские сахем и военный предводитель). Чаще всего функции двух царей разделяются по линии дифференциации, с одной стороны, — гражданской и сакральной, и с другой — военной власти, причем нередко к царю-военачальнику, державшему в руках военно-полицейскую силу государства, переходит вся полнота светской власти, так что первый царь, номинально более почитаемый, превращается в лишенного всяких «земных» функций «живого бога». Возможно, что именно этим делением объясняются некоторые детали политической ситуации 712 г.: в лице Хурзада мы можем видеть «валия», действительно, как известно, державшего в руках всю реальную власть в стране, в лице его старшего брата-предателя — бессильного носителя «шахиййат», сумевшего справиться с соперником лишь путем передачи достоинства «вали» брату арабского полководца. Как мы видели, острота конфликта могла быть вызвана именно религиозными реформами Хурзада и Хамджерда, поставившими под угрозу самые основы власти хорезмшаха, державшейся на его роли «священного царя», воплощения Сиявуша. Не выступает ли в лице «царя Хамджерда» новый, освященный новой религией, кандидат на роль хорезмийского царя-первосвященника? Напоминаю, что имя Хамджерд *خامجر*, как нами установлено, представляет собой арабизированное (*ح* вместо *س*) искажение хорезмийского имени Хангири *خانگیري* — *خامگیري* царского списка Бируни). Так, *хпгу* — это имя и читается на монетах, относимых нами ко времени этого царя. Между тем, согласно Моисею б. Нахману (XIII в.), «еврейский ученый, обративший хазарского царя в еврейскую веру, носил имя Исаак С-н-г-ри. *ר' יצחק הסנדר*; вторая часть этого имени легко может быть искажением на почве еврейской графики исходного

הנדרר или הונדרר а, может быть и כנדרר (hngry, h ngry, xngry). В таком указании б. Нахмана мы вправе видеть отголосок действительных событий в Хорезме и Хазарии в начале VIII века.

Важно было бы установить, какой хорезмийский термин соответствовал арабскому «вали». Не исключено, что разгадку этого надо искать в приводимом тем же ал-Бируни названии одного хорезмийского праздника — Фагбурийа(т). Ал-Бируни⁵⁷ в описании хорезмийских праздников говорит: «Месяц Ихшаривари, первый день называется Фагбурийа(т). فقبريه Но первоначально он назывался Фагруба(т) فغربه, что значит «Выход Шаха». Потому что около этого времени цари Хорезма обычно выходят в поход, так как жара спадает и приближается холод; тогда они уходят на зиму и живут вне их резиденции, отбрасывая тюрок-гузов от своих границ и защищая границы государства от их набегов».

Думаю, что «первоначальный» вариант названия праздника искажен до неузнаваемости, так как в Фагбурийа(т) можно увидеть арабизированное βαγ = pur — древний среднеазиатско-иранский царский титул, со значением «божий сын» (resp. «сын Митры», resp. «сын солнца»), титул как в древности, так и в средние века специально применявшийся к китайским императорам в качестве, видимо, вольного перевода китайского «Тянь-цзы» — «сын неба» ср. средневековое арабopersидское فنفور фагфур, применяемое, что важно для нас, помимо китайских императоров, также к царям «дома ашканиев» т. е. аршакидов, и древнесогдийское βρωγ). βαγ-pur «сын бога (солнца)», этимологически почти точно совпадает с Хурзад, Хурразад — «собственным именем» мятежного брата хорезмшаха. В арабском тексте Табари — отметим это — упоминается только титул последнего, а у Балами хорезмшах фигурирует под именем «Tchighan» в транскрипции Зотенберга⁵⁸, т. е. под именем явно апокрифическим, неизвестным ал-Бируни. Позволительно предположить, не является ли Хурзад (Хурразад) не именем, а также титулом или, вернее, персидским переводом хорезмийского титула βαγ-pur — титула царя-военачальника, соправителя сакрального царя, хорезмшаха или хосрови-хорезм'а? А если так, то нельзя не отметить фонетическую близость хазарского титула совершенно аналогичного политического персонажа — бег и хорезмийского βαγ-pur.

«Двоевластие» в Хазарии — факт общеизвестный. Этот институт не мог возникнуть особенно рано. Ни арабские, ни армянские, ни византийские источники VII—VIII вв. не дают нам ни малейшего намека на эту своеобразную деталь их политической организации⁵⁹. Только в арабских (и византийских) описаниях IX—X вв. впервые и многократно отмечается эта черта. М. И. Артамонов склонен относить возникновение «двойственности верховной власти» у хазар к началу IX в. — к тому же времени, к которому он хочет отнести и окончательную организацию хазар⁶⁰. Хазарская политическая организация во всех ее звеньях и терминах является прямым сколком с организации тюркского каганата, под гегемонией которого хазары проходили свою первую политическую школу. Отсюда идут термины каган, шад, бег, гудун и др. Из тюркских политических обычаев выводится даже такая своеобразная деталь хазарских обычаев, как традиции ритуального убийства кагана. Однако «двоевластие» хазарского типа абсолютно чуждо тюркскому каганату, для характеристики «конституции» которого мы располагаем достаточно обильными источниками.

Установленная нами хорезмийско-хазарская параллель позволяет

⁵⁷ Ал-Бируни, текст, стр. 236.

⁵⁸ Chronique de Tabari. Traduit par M. H. Zotenberg. IV. 1874, p. 175.

⁵⁹ Ср. у М. И. Артамонова в «История СССР», II, стр. 407.

⁶⁰ Там же, стр. 406—407.

Хорезмийские иудействующие эмигранты, захватив фактически власть в Хазарии и выдвинув свою династию «багпуров», исходя из традиционной обстановки в самой Хазарии и из своих собственных политических традиций, сохранили призрачную власть каганов, превращенных по хорезмийскому образцу в лишенных реальной власти «божественных царей». Титул «багпур» под влиянием хазарской народной этимологии превратился в тюрко-хазарский титул «бег» (bäg), первоначально, как известно, имевший совершенно иное значение (родовой или племенной вождь, но никак не царь или сопратель царя) ⁶¹.

VI. Хорезмийско-хазарские монеты

Обратим внимание на то, что именно к этому времени (около середины VIII в.) Артамонов относит перенос столицы Хазарии на Волгу ⁶². Первым документом, упоминающим новую столицу — Итиль, является Noticia episcopatum, датируемая, как мы видим, тем же временем. Факт немаловажный в свете вышеизложенного: этот перенос определялся не только и, возможно, не столько давлением арабов через Кавказ (наоборот, как раз в этот период мы можем наблюдать большую активность самих хазар, и действия арабов носят скорее оборонительный характер), сколько интересами новой правящей группы Хазарии, не желавшей потерять старые ключевые позиции хозяев коммуникаций Восточной Европы, европейского Севера и Среднего Востока. Изгнанные из Хорезма, они, опираясь на хазар, создали «Новый Хорезм» на Волге в виде Итиля, может быть, на месте какой-нибудь очень старой хорезмийской колонии или фактории, на месте пересечения трех путей (двух сухопутных и одного морского) из хорезмийских владений в Восточную Европу: на волжский водный путь и на Северный Кавказ, Дон и Черноморье.

Мы позволим себе теперь снова возвратиться к событиям в самом Хорезме в период его завоевания арабами.

Наши сведения, относящиеся к последующим за походом Кутейбы событиям, более чем скудны. Вслед за страшным двукратным арабским разгромом наступает темный период многих десятилетий, относительно которых мы можем лишь упомянуть о начавшихся по приказу мевских наместников уже в 713 г. действиях хорезмийских вспомогательных войск в составе арабских армий в Согде. Хорезм в это время — лишь данник и подневольный союзник арабов. Мы не имеем сведений и о продолжении правления арабских вали в самом Хорезме. Роль Абдаррахмана ибн-Муслима, по всей вероятности, была сыграна после падения его могущественного брата (715 г.). Самый факт почти полного отсутствия в арабских источниках сведений по истории Хорезма в VIII в., в бурные годы окончательного завоевания Средней Азии арабами, грозных восстаний Абу-Муслима и Муканны — более чем показателен. Хорезм, видимо, продолжал жить своей особой жизнью, весьма мало участвуя в бурных событиях на юге. Видимо, как в столь же бурные годы после македонского завоевания ⁶³, оправившись от расправы Кутейбы, он, лишенный возможности играть роль на юге, вновь повернул свою внешнеполитическую активность на северо-запад.

Если трудно предположить особенное изменение положения в период правления Аскаджамука II, обязанного своей властью Кутейбе,

⁶¹ Ср. С. П. Толстов, Тирания Абура, стр. 43, а также статью А. Н. Бернштама в Известиях ГАИМК, 100, Л., 1938.

⁶² М. И. Артамонов. Указ. соч., стр. 399.

⁶³ С. П. Толстов. Древний Хорезм. Тезисы докторской диссертации. Краткие сообщения ИИМК, XIII, 1946.

правление его сына и преемника Шаушафара примечательно фактом посылки им посольства в Китай (751), зарегистрированного китайскими хрониками⁶⁴. Обращаясь к монетам Шаушафара, опубликованным нами в 1938 г.⁶⁵, попробуем вернуться к дешифровке его монет. Если легенда на аверсе ($\dot{s}'w\dot{s}r\dot{g}$ — Шаушафар) и первые два слова легенды реверса MR' MLK' совершенно ясны, из последних семи или восьми

букв этой легенды

ۛۛۛۛۛۛۛۛ

7(8)6(+7)5 4 3 2 1

нами прочитаны бесспорно лишь первые четыре: pr'r, т. е. farr (pr'r) легенд сасанидских монет — обычный царский эпитет, примерно, в смысле «благословенный». Из остальных трех букв, 6(+7), как я предполагал и в 1938 г.⁶⁶, а сейчас, в свете анализа других надписей могу утверждать определенно, — лигатура ZR. В пятом знаке я в 1938 г. видел альтернативно или X или $\dot{c} \rightarrow \bar{c}$. Если предположить первое чтение, подтверждаемое чтением имени Артамуха⁶⁷, то знаки 5, 6(+7) и 7(8) будут читаться: $\overline{XZR}$, т. е. надпись в целом будет выглядеть:

MR' MLK' pr'r $\overline{Xzrn}$

«Господин царь благословенный хазарский (или хазаранский)».

Монеты Шаушафара благодаря этому чтению приобретают характер первоклассного исторического документа для освещения темных внешнеполитических отношений этой бурной и важной эпохи. Мы могли бы предположить, что около 750 г., одновременно с переносом столицы Хазарии в Итиль-Хазаран, восстанавливается единство двух ветвей Сиявушидов, хазарской и хорезмской, носителей «вилайата» и «шахиййата», и осуществляется уния Хорезма и Хазарской державы. Тогда вполне естественным становится и отражение в Noticia episcopatum вхождения Хорезма в состав Хазарской митрополии. Кратковременное политическое объединение Хорезма и Хазарии, совпавшее со сближением последней с Византией (брак Константина Копронима на хазарской царевне, в христианстве Ирине, в 731 г., правление Льва Хазара, сына Ирины) в условиях особенно упорной борьбы обоих государств с арабами, создавало исключительно благоприятные предпосылки для христианской пропаганды и в Хазарии, и в Хорезме. Естественно, что в этих условиях церковное единство являлось закономерной функцией политического объединения.

Серединой VIII в., царствованием Шаушафара, царя Хорезма и Хазарии, мы и можем, таким образом, датировать и Noticia, и укрепление христианской колонии в Хорезме. Отсюда, с большой долей вероятности, начинается период, во время которого колядовая обрядность в ее восточноевропейской форме могла проникнуть в Хорезм и укорениться в нем.

В свете вышеизложенного получает свое освещение имя преемника Шаушафара — Турксаната ترکسانه и ترکسانه : рукописей), т. е. Турксабата или Туркасбата и Туркастана надо исправить на ترکسانه — Турксаната — имя, соответствующее имени Турксант — западнотюркского правителя, кочевавшего в Приволжье и Предкавказье и в 579 г. посещенного византийским послом Валентином. Турксант (= Турксаната) — вряд ли не основатель Хазарского государства, ибо едва ли кто иной, кроме него, мог быть «хазарским царем», во Тавбара вторгнув-

⁶⁴ Тан-шу. Гл. 2, I в., стр. 5а.

⁶⁵ С. П. Толстов. Монеты шахов древнего Хорезма. «Вестник древней истории» 1938, № 4.

⁶⁶ Там же, стр. 135, прим. 3 и 4.

⁶⁷ Там же, стр. 136.

византизм в 841 г. в сасанидский Иран через Дербентский проход. При этом эта же именная династия сыном Шаушафара было важной политической акцией — идеологически подкрепить претензии новой хорезмийской династии в Хазарии, наделив ее представителя старинным, видимо, тюркским, тюрко-хазарским именем, связанным с традициями древней династии каганов.

Монеты Турксаната нам пока неизвестны. Сын его выступает у Буруна под именем Абдаллаха — первым мусульманским именем в афригидской династии. Характерно, что хазарский сородич Абдаллаха, Булан Обадия, почти одновременно принимает иудейское имя, семантически почти тождественное имени первого мусульманского хорезмшаха.

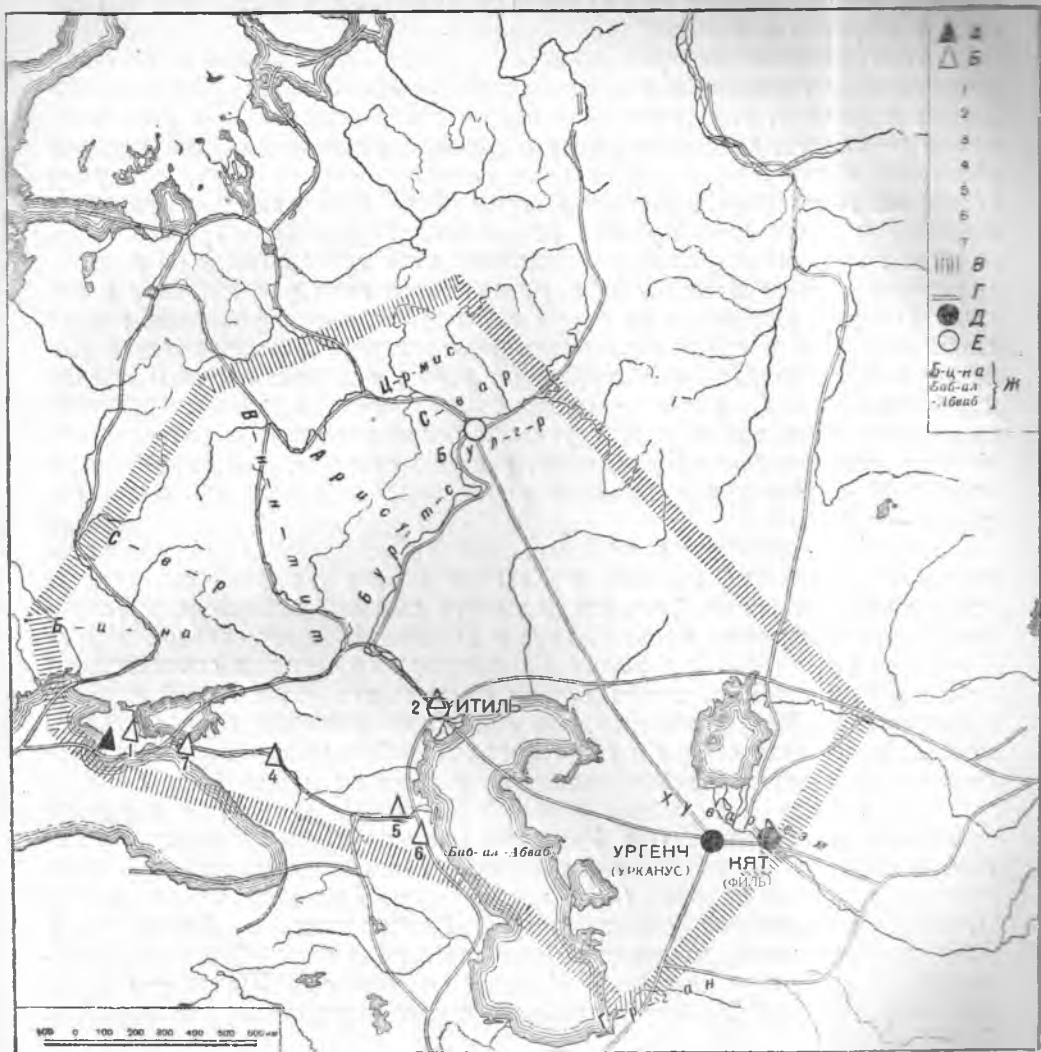
Эти нумизматические и ономастические факты подкрепляют наше высказанное выше положение: на 70-е, а вероятнее, 80-е годы VIII в. падает новое разделение двух ветвей афригидов. Обадия, опираясь на собственно хазарскую аристократию и черноморских евреев-учителей, рвет унию с Хорезмом и изгоняет юдаизированных хорезмийцев-кавалеров, вынужденных бежать на запад, так как путь на родину закрыт торжеством там ислама. Видимо, это последнее и могло явиться предпосылкой крушения эфемерной хорезмско-хазарской империи: укрепление власти аббасидского халифата, строившего свою политику на совершенно новых основаниях, мало способствовало продолжению независимой политики Шаушафара. А исламизация Хорезма не могла не повлечь за собой ослабление позиций юдаистско-хорезмийской колонии в Итиле, павшей жертвой внутренней хазарской оппозиции, возглавленной внуком хорезмийского же эмигранта-багпура, перешедшего на сторону хазарской знати (аналогичных примеров конфликта правителя из пришлой династии со своими сородичами можно найти немало: ср. отношения сельджуков Ирана с гузами, караханидских ханов с тюркскими племенами и т. д.).

Любопытно, что несмотря на это афригидские беги (← багпуры) Хазарии претендуют на призрачную власть над Хорезмом. Я имею в виду описание границ Хазарии в письме царя Иосифа (пространная редакция). Перечислив подчиненные (уже в эти времена часто только номинально) хазарам народы Восточной Европы, Иосиф продолжает: «Оттуда граница поворачивает по пути к Хуварезму до Г-р-гана. Все живущие на берегу на протяжении одного месяца пути все платят мне дань»⁶⁸. П. К. Коковцев хочет видеть здесь «Море Г-р-гана», т. е. Каспийское море⁶⁹. Однако слова «море» здесь нет, причем нет одинаково как в краткой (в которой нет имени Хорезма), так и в пространной редакции, в то время, как несколько выше, в краткой редакции (пространная здесь испорчена) говорится о «море Г-р-гана». Конъектура П. К. Коковцева не вытекает, следовательно, из текста. В свете вышеизложенного в ней, по существу, отпадает нужда. «Г-г-ган» — это не море, а страна Гурган (Гиркания), крайняя северо-западная провинция Хорасана, к северу от которой лежат области, издревле тяготевшие к Хорезму. Следовательно, фразу письма Иосифа нужно понимать так, как она написана: он ведет границу от Поволжья на Хорезм и Гурган, к Каспию, считая своим не только северное и северо-западное, но и восточное побережье его и включая Хорезм в состав Хазарии.

Генеалогическая связь хорезмийской и хазарской династии и их общие иудейские традиции и объясняют, повидимому, загадочное место в сочинении знаменитого арабского генеалогиста второй половины VIII — начала IX в. (+819 г.) ибн-ал-Кальби, приведенное нами в качестве эпиграфа к этой статье: «говорит ибн-ал-Кальби: «родил Исхак

⁶⁸ П. К. Коковцев. Указ. соч., стр. 99—100.

⁶⁹ Там же. прим. 2 на стр. 82.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:

Центры Хазарско-Хорезмской митрополии середины VIII в. по Notitia Episcopatum

А — Доросская митрополия.

Б — Епископские кафедры:

- 1 — Хоцирская (Карасубазар), 2 — Астельская (Итиль), 3 — Хвалисская (Хорезм), 4 — Омисурская (Прикубань), 5 — Ретерская (Терек? Тарки?), 6 — Гуннская (Варачан, Семендер), 7 — Таманская (Тамань)

В — Схема границ хазарских владений по письму царя Иосифа

Г — Основные торговые пути

Д — Важнейшие экономические центры Хорезма

Е — Отмеченные источниками хорезмские колонии в В. Европе

Ж — Названия племен, областей и географических пунктов по письму царя Иосифа

Ибрагима ал-Халиля (Авраама), Хазара и Б-з-ра и Бурсы в Хорезма и Филя»⁷⁰.

В этом тексте характерны, во-первых, резко отступающая от обычной «семитской» генеалогии северных народов «семитская», уже — восходящая к Исааку, т. е. еврейская общая генеалогия хазар и хорезмийцев, во-вторых, сочетание хазар и близко родственных им барсиллов (значение имени б-з-р остается пока неясным, может быть, это у-з-р хазарской генеалогии в версии Иегуды бен-Барзиллая)⁷¹ с именами Хорезма и Филя (имя древней резиденции хорезмшахов).

Нас не может смущать расхождение этой генеалогии VIII в. с генеалогией письма царя Иосифа, возводящего свой род к Яфету и его сыну Тогарме. Видимо, в то время как первая, апокрифическая, версия сложилась еще в среде хорезмских иудействующих эмигрантов в Хазарии в середине VIII в. (откуда, по всей вероятности, она и попала к ибн-ал-Кальби), вторая — продукт позднейшего циклизирующего творчества еврейско-хазарских ученых, более ревнивых к чистоте библейской генеалогической традиции, с одной стороны, и к принятым в еврейской литературе принципам генеалогической классификации народов — с другой.

Отголоски традиции о хорезмийском происхождении первоначального ядра иудейской колонии в Хазарии звучат и в хазарской генеалогии книги Иосиппон. Там, среди десяти сыновей библейского Тогармы на третьем месте, после Козара и Пацинака, стоит загадочное имя А л и к а н у с, которому в тексте Кембриджского анонима соответствует Ар-к-нус⁷², причем, согласно автору письма, это «имя нашей страны, как мы нашли (это) в книгах». Это «книжное» название вернее отнести не к Хазарии (это было бы мало правдоподобно, ибо не подтверждается никакими другими источниками, да и вряд ли нужно было бы «хазарскому еврею» X в. искать название Хазарии в книгах), а к родине иудейских эмигрантов VIII в. Учитывая наличие в той же книге Иосиппон, в передаче легенды об Александре Македонском, имени соседящего с аланами народа (якобы запертого Александром) в форме Urqanus, справедливо сопоставляемой Коковцевым с Аликанус и Ар-к-нус⁷³, я думаю, мы вряд ли ошибемся, если идентифицируем загадочное Аликанус — Ар-к-нус — Урканус с именем Ургенч — северо-западной столицей Хорезма, наиболее тесно исторически связанной с Хазарией.

VII. Вместо заключения

Предложенные выводы, вероятно, произведут впечатление большой неожиданности. По крайней мере такое впечатление они производили на меня самого каждый раз, когда в процессе исследования я сталкивался с новыми, их подтверждающими фактами.

Однако, если вдуматься глубже, если взять всю предшествующую и последующую историю Хорезма, этот элемент неожиданности исчезнет сам собой.

В самом деле: ведь в начале X в. власть кагана и бека в Хазарии опиралась на хорезмийское министерство и хорезмийскую гвардию и столица Итиль была больше чем наполовину хорезмийским городом. А в конце X в. и формально — хотя и на короткое время — Хазария

⁷⁰ Якут, II, 12.

⁷¹ П. К. Коковцев. Указ. соч., стр. 75; Гаркави. Сказания еврейских писателей о хазарах, стр. 38 сл.

⁷² П. К. Коковцев. Указ. соч., стр. 120.

⁷³ Попытка П. К. Коковцева отождествить это имя сперва с греч. ἄρκτις (север), а затем с Нугсапіа и филологически и исторически мало убедительна.

входит в состав Хорезма. Ситуация VIII в., вскрытая нами, по существу целиком предвосхищает ситуацию X в.

В XIII—XIV вв. мы видим повторение той же историко-географической ситуации: Золотоордынское государство, с центром неподалеку от старого Итиля, включает в свой состав Хорезм, и Ургенч надолго становится центром промышленности и культуры для всей Золотой Орды.

Если мы пойдем в глубь веков, мы увидим нечто очень сходное: еще Гутшмид и Бартольд отметили, что слова хорезмийского царя Фарасмана, приглашавшего в IV в. до н. э. Александра Македонского в поход против соседей Хорезма — колхов, невольно заставляют вспомнить о XIII в. н. э., когда Хорезм, Поволжье и Северный Кавказ представляли части единого государства⁷⁴.

Нам еще в 1942 г. пришлось обосновать положение о том, что и позже, около начала нашей эры, мы имеем экспансию переживавшего тогда кульминацию своего расцвета кангюйско-хорезмийского царства далеко на северо-запад, в Поволжье и Приуралье, подчинение Хорезму страны аорсов-аланов и приуральских племен Ари, отдаленных предков современных удмуртов⁷⁵.

Что же является во всем этом неожиданным? Отнюдь не факты. Они, напротив, рисуют нам довольно типичное проявление наметившейся еще в античности тенденции развития политических связей в области северного Арало-Каспия, базирующихся на глубоко уходящих экономических и культурных отношениях.

«Неожиданность» в том, что до сих пор, к сожалению, условная граница Европы и Азии, не имеющая ни географического, ни исторического, ни этнографического значения, как-то довлеет над нашими умами. Нижнее Поволжье кажется нам лишь каким-то глубоким Hinterland'ом Причерноморья и Европы, за которым лежит таинственная и дикая *vagina populorum*, степная Азия. Мы забываем, что в нескольких сотнях километров от устьев Волги лежат страны древней среднеазиатской цивилизации, великие державы древности и средневековья, с их сложной экономической и политической жизнью, что Каспийское море и степи Устюрта с древнейших времен были оживленными путями экономических и политических связей, игравших огромную роль в историческом прошлом народов не только Средней Азии, но, и в гораздо большей мере, Восточной Европы. В нашей литературе, за редкими исключениями (к которым надо отнести замечательные работы В. В. Бартольда и его продолжателя А. Ю. Якубовского), Средняя Азия и Восточная Европа как бы повернуты друг к другу — где-то на Волге — спинами: одна глядит лицом на юг, в арабско-иранский мир, другая — на юго-запад, в мир византийский. Историки византиноведы и руссисы, с одной стороны, и ориенталисты — с другой, еще не составляют по-настоящему сомкнутого фронта: и не случайно поэтому, вот уже три четверти века известное ориенталистам тождество халассов и хорезмийцев осталось неизвестным блестящим представителем византиноведения и русской истории.

А между тем на всем протяжении своей истории Средняя Азия неразрывными, прочными связями объединена со смежными областями Европы. И в тот период, когда религиозная граница областей господства ислама и христианства еще не затруднила (она, впрочем, только затрудняла, но никогда не обрывала!) культурное общение — а к концу этого периода, к истории формирования этой религиозной границы

⁷⁴ А. Gutschmid. *Geschichte Irans*, Tübingen, 1888, S. Nr. В. В. Бартольд. Сведения об Аральском море, стр. 2

⁷⁵ С. П. Толстов. Древний Хорезм (тавгис). Краткие сообщения ИИМК, XIII, 1946.

эти связи были еще глубже, еще прочнее, чем в Средней Азии. И отнюдь не будет парадоксом, если мы скажем, что до VIII—IX вв. Средняя Азия (во всяком случае ее север и запад) и значительная часть Восточной Европы были лишь частями одной обширной историко-этнографической области, развивавшей традицию древней скифо-сарматской культуры, насыщенной влияниями восточного эллинизма.

Я знаю несовершенство этой небольшой работы, в которой я на своем материале пытаюсь продолжить линию исследований Бартольда, особенно ярко выступающую в его замечательном посмертном труде «Арабские известия о руссах». Специалист по истории и этнографии Средней Азии не может быть одновременно и византиноведом, и гебраистом, и русским историком,— а только общими силами всех этих дисциплин могут быть подняты до конца те вопросы, один из аспектов которых я попытался осветить. Я заранее благодарен за критику. Но если моя работа хоть немного заполнит еще пока зияющий «ров» между историей народов Средней Азии и Восточной Европы,— я могу считать свою задачу выполненной.
